

Другие одноклассники могли рассчитывать на помощь родителей в устройстве на работу и планировании будущего, а ему приходилось всего добиваться самому. Так было и при поиске работы, и при создании семьи. Все эти годы он смиренно терпел в семье жены, не смея даже громко вздохнуть, разве не из-за того, что у него не было прочной основы? Разве не из-за того, что у него не было поддержки со стороны семьи? Если бы его родители были такими же способными, как родители жены, разве он бы до сих пор оставался мелким служащим?

В бесчисленные ночи, вспоминая, как одноклассники, которые были хуже него, добились большего успеха, он чувствовал, будто маленький нож режет его сердце. Он никогда не жаловался на это своим родителям, но теперь, когда перед ним появился уникальный шанс, он наконец смог воспользоваться связями семьи Цяньцзянь, и в самый ответственный момент родители снова встали у него на пути.

Ли Сяоцзюнь, доведённый до бешенства, с искажённой улыбкой и подергивающимися мышцами лица, произнёс:

— Вы ещё мои родные родители? Это когда такое, как вы можете говорить такие вещи?! Поездка на базу — разве это вам во вред? Сколько людей молят об этом шансе, а вы не только не цените его, но ещё хотите со мной порвать отношения?

Его давление подскочило от злости. Пройдясь несколько раз взад-вперёд, он с гневом сказал:

— Ладно! Порвём отношения, так порвём! Я уже сыт по горло этим годами! Нигде не помогаете, а в ключевой момент только мешаете. С такими родителями, как вы, мне, Ли Сяоцзюню, просто не повезло!

Дядюшка Ли и тетюшка Ли переглянулись, и разочарование в их глазах уже невозможно было скрыть. Что они такого натворили, что вырастили такого эгоистичного и неблагодарного сына?

Они признавали, что как родители не могли дать ребенку большой поддержки, но они делали всё, что было в их силах. Можно сказать, ради ребенка они были готовы отдать жизнь.

Но добровольно отдать свою жизнь и когда сын сам требует её — это разные вещи. Первое — это бескорыстная любовь, а второе — эгоистичное желание.

Ли Сяоцзюнь тяжело дышал, злобно глядя на Хуцзы:

— Отдайте мне Хуцзы, и я сейчас же уйду!

Дядюшка Ли и тетюшка Ли не смогли вымолвить ни слова. Видимо, их прежние опасения сбылись. В их глазах сын был менее преданным, чем собака, а в глазах сына они были менее полезными, чем собака.

Ли Сяоцзюнь, с покрасневшими глазами, смотрел на своих родителей, пытаясь провести последние переговоры:

— Отдайте мне Хуцзы, и я уйду, больше никогда не вернусь!

Дядюшка Ли и тетюшка Ли, поддерживая друг друга, за несколько минут постарели на несколько лет. Прошло много времени, прежде чем дядюшка Ли наконец заговорил:

— Это не в моей власти...

Ли Сяоцзюнь лишь усмехнулся:

— Не хотите отдавать — так и скажите, зачем придумывать такой смешной предлог?!

Глаза дядюшки Ли помутнели, голос стал старческим:

— Не только дети вырастают и уходят, но и собаки имеют свои желания. Хочет ли она идти с тобой, спроси её сам.

Ли Сяоцзюнь фыркнул:

— Вы же вырастили её с малых лет, как она может уйти от вас? Если бы Хуцзы хотела пойти со мной, я бы уже увёз её, зачем мне было бы всё это устраивать?

Дядюшка Ли, с глазами, полными слёз, произнёс:

— Мы вырастили тебя с малых лет, разве ты не ушёл от нас?

Ли Сяоцзюнь задохнулся от возмущения:

— Я взрослый человек, разве можно ставить меня на одну доску с собакой?!

Как только Ли Сяоцзюнь собирался спорить с родителями, Цяньцзянь с плачем бросилась к нему:

— Ты что, мёртвый? Разве ты не видишь, что моему папе плохо дышать? Твои родители хотят убить моих родителей?! Отпустите людей! Скажи своим родителям, чтобы отпустили!

Видя, как невестка защищает своих родителей, тетушка Ли попыталась улыбнуться, но её улыбка была хуже плача. Она завидовала другим родителям, которые получали такую защиту от своих детей. Если бы её сын был хоть на десятую часть так же хорош к ним, как Цяньцзянь к своим родителям, она и её муж без колебаний поехали бы на базу.

Ладно, с таким отношением сына, она и её муж вряд ли будут счастливы, даже если поедут. Зачем им лезть туда, где их не ждут?

Мать Цао Цянь, рыдая, побежала в сторону тестя, но, увидев Хуцзы, она так испугалась, что не смогла даже встать, только продолжала рыдать:

— Лао Цао, держись, держись!

Увидев рыдающую жену и тещу, Ли Сяоцзюнь словно сдулся:

— Ладно, я согласен. Порываем отношения, Хуцзы не забираю, отпустите людей...

Группа Ли Сяоцзюня с корзинами фруктов направилась вниз по склону, а дядюшка Ли и тетушка Ли, стоя под навесом, смотрели на удаляющуюся спину сына, и слёзы текли ручьём. Их стойкость, которую они демонстрировали перед Ли Сяоцзюнем, в этот момент рухнула. Это был их сын, который должен был быть их опорой, а теперь стал тем, кто причинил им самую большую боль.

Видя подавленное состояние дядюшки Ли и тетушки Ли, Цзян Жун молчал. В любых обстоятельствах распад семьи — это печальное событие. Если бы однажды Сяо Хэн так же поступил с ним ради чужих, он бы не чувствовал себя лучше, чем дядюшка Ли и тетушка Ли.

Думая о жертвах дядюшки Ли и тетушки Ли и о том, как Ли Сяоцзюнь воспринимал это как должное, Цзян Жун чувствовал себя некомфортно. Ему хотелось схватить Ли Сяоцзюня и его компанию, запереть их на горе и заставить поливать фруктовые деревья, чтобы они почувствовали, как тяжело приходится дядюшке Ли и тетушке Ли.

Но, подумав, он понял, что это бессмысленно. Лучше не связываться с мелкими людьми, и если он так поступит, то только наживёт себе врагов.

Его не волновали фрукты, которые они забрали, он боялся, что, оказавшись на базе города N, они разболтают о саде. Эсперы с базы иногда проходят сотни километров в поисках ресурсов, и если они расскажут о саде, каждый год будут приходить эсперы за фруктами. Но самое главное — их дом с сыном тоже может быть обнаружен.

Думая об этом, Цзян Жун невольно вздохнул:

— Эх...

Ему хотелось создать Ли Сяоцзюню и его компании проблемы, чтобы они боялись сада. Но с Гуань Шао и Цзян Хао дома действовать было неудобно.

В этот момент раздался голос Гуань Шао:

— Чувствуешь, как в груди ком застрял?

Цзян Жун повернулся и увидел в глазах Гуань Шао то же самое чувство:

— А?

Гуань Шао мягко улыбнулся:

— Я терпеть не могу неблагодарных.

Цзян Жун слегка приподнял бровь. Гуань Шао предлагает вместе устроить расправу? Подумав, Цзян Жун улыбнулся:

— Есть время прогуляться?

Гуань Шао, с тёплой и искренней улыбкой, ответил:

— Конечно.

У Ли Сяоцзюня и его компании было пятнадцать человек, четыре легковых автомобиля и один старый военный грузовик. Покинув сад, они направились по горной дороге на север.

От родного дома до базы города N было всего двести километров, и они предполагали, что даже с пробками за ночь смогут проехать семьдесят-восемьдесят километров. Двести километров — пустяк, и через два дня они будут на базе.

Но после того как они покинули сад, их удача полностью отвернулась. Не проехав и пяти километров, двигатель военного грузовика издал странный звук, кузов начал трястись, и машина, покачавшись, заглохла.

На грузовике находилась большая часть припасов и фруктов, собранных в саду, и, когда он заглох, все машины остановились. Компания, ругаясь, вышла из машин. Цао Цянь,

придерживая живот, с недовольным видом толкнула Ли Сяоцзюня:

— Что это за машина такая... Ли Сяоцзюнь, сходи посмотри.

С тех пор как они покинули сад, Ли Сяоцзюнь слышал только упрёки жены и её родителей. Они обвиняли дядюшку Ли и тетушку Ли в бессердечии, а Ли Сяоцзюня — в том, что он не может их защитить. Особенно Цяньцянь, чьи слова сыпались одно за другим, доводили его до бешенства. Даже несмотря на то, что он сдерживался перед родственниками жены, к этому моменту он уже был измотан.

Ли Сяоцзюнь, с каменным лицом, быстро подошёл к грузовику и открыл капот. Когда капот открылся, из него повалил густой чёрный дым. Осветив внутренности фонариком, он помрачнел ещё больше:

— Двигатель дымит, вероятно, проблема.

Как только он произнёс это, родственники жены начали обсуждать ситуацию. Стоя перед грузовиком и жестикулируя, они так и не пришли к какому-то решению. Эти люди, привыкшие к высокомерию, ничего не понимали в ремонте и обслуживании автомобилей. После обсуждения они поручили Ли Сяоцзюню:

— Сяоцзюнь, машина на тебе. Постарайся поскорее её починить!

Ли Сяоцзюнь знал о машинах немного, но больше, чем остальные. Он кивнул и, держа фонарик в зубах, сосредоточился на двигателе.

<http://bllate.org/book/16638/1524457>